

Финский лыжник

Ни разу в жизни я не занимал первого места. В воскресенье мало французов, немцев, англичан. Экскурсионные автобусы подвозят поляков, да таскаются безлицые военные китайцы в мешковатых френчах. А что им? Гжель, платки, матрёшки... Серьезные покупатели в Измайлово приезжают по субботам. Сегодня нечего ждать.

Я кивнул соседу Рахматуллину — тот торговал железом: самоварами товарищества Баташова, разнокалиберными гилями, замками, утюгами, колоколами и мельхиоровыми подстаканниками кольчугинского завода с Кремлем — присмотри, и побрел к лестнице, ведущей вниз, под деревянный указатель (палец с насмешливой надписью «антиквариат») — на блошиный рынок.

Там, на продуваемых, неосвещенных деревянных балконах, бродяги, сироты, выбракованные школой, и гордые старухи раскладывали на одеялах и клеенках награбленный человеческий мусор из брошенных и отселен-

ных домов: лысые куклы с закатившимися глазами, керосиновые лампы, жестяные коробки из-под мон-пансье и чая товарищества «Высоцкий и К°» со знаменитым корабликом на этикетке, квитанции фотоателье довоенных лет, елочные игрушки из цветного картона, почерневшие кофемолки, обрывки париков, словно скальпы... Попадались и оловянные солдаты, правда, редко, все больше пластмасса и уродцы из «киндер-сюрпризов», но в июне я всего за триста рублей купил на «блошке» прогрессовских «Солдат революции» в превосходном состоянии — у «солдата, идущего в буденовке» цела винтовка, только погнута, — и продал на «Молотке» за две сотни «бакинских». Еще рассказывали про старуху, просившую «хоть сколько-нибудь» за «красных казаков» сороковых, что стоят в Инете по полторы штуки долларов каждый. «Казаков» и на фотографии-то мало кто видел, и никто доподлинно не знает, сколько в наборе и каких, а у нее даже не было четырехсот рублей заплатить за место — вот только где эта старуха?

Ближе к воскресному обеду сюда, замкнув железными жалюзи свое добро, спускался ленивым барским шажком свободный вернисажный люд — знатоки икон и фарфора — поклевать легкую поживу, брезгливо поворошить ногой выброшенную морем дохлятину под нервное неприязненное молчание местных... Ничего, почти ничего, все ценное скуплено в ночь с четверга на пятницу у бомжей на платформе Марк — от скифского золота, нарытого «черными археологами» в Тамани, до маршальских мундиров с рубинами на погонах и пулеметных лент.

— Уважаемая, кофе!

Вьетнамка в белом фартуке толкала тележку с термосами, обернутыми целлофаном бутербродами и бачком с сосисками. Сливки? Взамен десятки я получил пластмассовый дымящийся стаканчик и успел сделать еще два шага.

— Да вон хозяин ходит... Василич, интересуются! Подойди!

Как весной случаются заимствованные дни, пахнувшие осенью, так это сентябрьское воскресенье возвращало долги солнцем, синим небом словно оглянувшегося лета.

По-иностранныму подкопченная солнцем морда с правильным профилем терлась у моих бойцов, схватила одного и крутила под носом. Я ускорил шаг, убавив глотком кофе, чтоб не расплескать. Кого он там сцепил, этот загорелый малый в черном пальто поверх белой рубашки, с полосатым шарфом, педерастически повязанным узлом под горло? Я присмотрелся.

— Хелло! Ит из скайер солжер оффиниш во. Икслюзив. Ван хандрид долларс.

Малый в восхищении крутил головой, встряхивал чернявыми кудряшками, смазанными каким-то жидким дермом.

— Можешь себе представить?! — подзывал полюбоваться приятеля плечистого водительского вида. — Сотку!.. — и поставил солдатика, чтоб лучше рассмотреть, на ободранный прилавок.

Безлицый оловянный лыжник в маскхалате, покрытом ошметками зеленой краски, двигал правую ногу вперед в неспешном ходу. Рукавицы, лыжные палки, ботинки, давно потерявшие черный цвет, автомат, висящий на животе дулом кверху... Отполированная тысячами прикосновений каска блестела тусклым свинцом. Один из моих любимых бойцов. Не все мне одинаково нравятся. Не люблю брянских «Моряков на параде» (и серебряных, и некрашеных), «Куликовскую битву», астрецовскую «Конармию», вообще все конные фигурки. «Столбики» мелитопольские не нравятся... Но собираю оловянных советских всех (масштабы 1:35 и 1:48) и продаю — лоток «Солдаты СССР».

«Водитель» оторвался от рапхатуллинских самоваров, взгляделся с почтительного расстояния в хозяйские причуды.

— Лыжник финской войны. Солдатик, между прочим, *тридцать девятого года*. — Я прихлебывал кофе, барыга рассматривал наживку с умиротворенной улыбкой, намертво в克莱ившейся ему под нос... Вспоминает... В детстве он двигал, наверное, такого лыжника по пустыням летней пыли меж травяных лесов, огибая высохшие шнурки дождевых червей. — Всплывает раз в год по штуке. Я б своего не продал, товарищ попросил — ему деньги на лекарства нужны. Канадец в прошлом году такого на «E-bay» за две сотни купил. Боец вообще-то уже проданный, человек за деньгами пошел, но если возьмешь — отдам. Иностранцам — сто евро, тебе — сотку долларов. Без торга.

Барыга заново осторожней положил солдатика на ладонь и приблизил к лицу — так разглядывают медальон с девичьей головкой в черно-белых добросердечных кинофильмах, его долго ищет в комоде и с усмешкой протягивает старуха: «Угадайте, кто это?.. я!», — потом подбросил и поймал, накрепко сжав пальцы.

— Аккуратней. Сломаешь — заплатишь.

— А вы? — Барыга улыбался задумчиво. Молодой еще мужик лет двадцати пяти, с губастым ртом и темными пустыми глазками; такая мразь в юности выглядит постарше, а в старости — помоложе. — Вы так одеваешься... Как солдат. Вы — солдат? Будете вести боевые действия?

Говорил он, словно припоминая русский язык, блудливо поводя мордой. Я понял: гуляет пьяный... Перегнулся через прилавок и вдруг вцепился свободной рукой в воротник моего чумазого бушлата с хищной репейной цепкостью и захочотал — очень его веселили золотые пуговицы со звездами на бушлате:

— Получается, военнослужащий. Красная Армия! Следовательно, вы в состоянии воевать?

Я покосился на «водителя»: забери своего ублюдка! — и подхочотнул:

— Да все можно купить. И шинель. И шапку с кокардой. И кабуру с пистолетом. И корочки с фоткой. Главное, шоб баксы были. Баксы есть?!

Он отцепился и тут же загреб с прилавка стопку порыжевших книжиц. И посыпались, словно выпрыгивали из рук, Сталин «О Великой Отечественной войне Советского Союза», Сталин «Об основах ленинизма», «Календарь колхозника за 1943 год»... Одна застяла меж пальцев и развернулась сама собой. Малый тотчас начал читать с наугад взятого: «Нет больше так называемой свободы личности — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырьем человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации», — и захлебнулся. Он словно вспомнил о чем-то. Вглядывался растерянно в прочитанное — и губы шевелились, растягиваясь и смыкаясь, угловато или округло, и горло глотало, он словно понимал смысл, но не мог прочитать. Он так и торчал в одиноком забытьи, пока тот, второй, не тронул его за локоть. И барыга ожил — захлопнул книжку, пробормотав трезво обложечное название:

— «Сталин. Речь на девятнадцатом съезде партии».

— Четыреста рублей.

— Несомненно. Там, обратите внимание, между страницами трамвайный билет. Пятьдесят второго года. На одну поездку. Тридцать копеек цена. В качестве бонуса... — сухо предположил он. — Билет неиспользованный, вам еще пригодится. В хорошем состоянии книжки, — барыга неприязненно взглянул на меня. — Это вы их набираете в походах *туда*?

Так, хватит улыбаться. Легкий страх... Допить кофе и еще чуть-чуть подождать, поглаживая небритой щекой воротник бушлата... Пьяные умники хуже, чем пьяные скоты.

Он оборвал, что-то решил:

— Ну, довольно. Где финский лыжник?

Пять пятисоток — боец спрыгнул с загорелой ладони в карман черного пальто, и двое стремительно и озабоченно двинулись прочь вдоль рядов, не останавливаясь больше, мимо пробитых пулями касок, водолазных и танкистских шлемов, чугунков, икон Николы Можайского, прялок, льняных сарафанов, пионерских горнов, матрешек, каминных решеток и абажуров с мохнатой бахромой, патефонов, алых знамен передовиков социалистического соревнования, берестяных шкатулок и коричневых екатерининских пятаков в сторону главной лестницы, обложенной косматыми медвежьими шкурами и кабаньими мордами с желтыми клыками, обставленной чучелами оскаленных горностаев и соболей.

Проводив их взглядом, я натянул рваные вязаные перчатки и начал складывать солдатиков по жестяным банкам из-под печенья и чая по сериям: «Матросы Октября», русские богатыри на Чудском озере, «Куликовская битва», стоячие «гвоздики», «Матросы в бою», всадники маршала Буденного, знаменосцы-гиганты десятисантиметровой высоты, «Солдаты революции», телефонисты, регулировщики движения с острыми флагжками, лежачие пулеметчики, подносчики пулеметных дисков, мотоциклисты из бесчисленных полчищ, «Солдаты в походе» и «Солдаты в бою» Брянска, Ленинграда и Мелитополя, полковые музыканты, редко попадающиеся медсестры, выкрашенные зеленью и серебром, сидячие пограничники с овчарками, пехотинцы-лилипуты Минского моторного завода с командиром, башкою вросшим в бинокль, безродные одиночки из неопределенных серий с пятнышками розовой краски на месте лиц — около четырех сотен, — коробки сложил в чемодан, обклеенный изнутри газетой, сверху набросал книжки и клацнул замками.

— Развел. Как детей, — похвалил Рахматуллин. Он расставлял нарды. — Решил пойти? Чего так рано? Такой почин сделал... Постой еще — деньги придут!

Шашлыки

Задами, через «аллею живописцев», где терлось поме-
ньше публики, я пронес погромыхивающий чемодан
к бревенчатому терему у спуска к центральной лестни-
це — там впотьмах предлагали купить кубачинские кин-
жалы из трагически подсвеченных витрин и принимали
на хранение чемоданы — пять долларов за неделю, —
и от-правился мимо гоноящих под электромузыку
«ветеранов чеченской войны», уж лет пять как сменив-
ших «афганцев», и дымной шеренги мангалов в обход,
к южной ограде вернисажа, проломленной соседней
стройкой, — грунтовка, набитая самосвалами, вела почти
до самого метро.

— Шашлычок? Баранина! Свининка!

— Нет. Спасибо.

— Как нет?! Ша-шлы-чка! — в плечо когтями впился
и загораживал путь краснощекий малый с бритой башкой,
галстук, костюм, и с нахрапистой милицейской сноров-
кой пихал к распахнутой двери кафе «Городец», подпертой
половинкой кирпича, к ступенькам наверх, на веран-
ду — больно пихал, до синяков, не пускал обойти. Дыхание
сбилось, и, трухнув и вспотев, я безнадежно взглядал
на черных шашлычников крымчанина Мамеда, перестав-
ших размахивать картонками над нанизанным мясом,
знакомых официанток в белых фартуках поверх вязаных
кофт. Что же? Кричать? Но ведь белым днем тащил он
меня... поговорить? Паспорт... Как чувствовал: паспорт
взял и квитанции за аренду, и люди кругом вон смотрят —
люди, и если за тобой пришли, полагалось идти, пока ты
нужен.

Загорелый барыга с шарфиком на горле (как я оши-
бался, принял его за тупорылую валютную скотину) при-
сел в угол, макал мясо в кетчуп, подбирал вилкой луковые
кольца. Официантка сгружала ему чай, он показал: еще
стаканчик. Набив рот, приветственно прижмурился,

показал на свободный стул напротив и сосредоточился на шашлыке – небось, жилистый, не жуяется, тварь!

Тот, что меня притащил, уселся на лавке за близким столиком с водителем барыги и взялся за чай, разорвав на четыре куска лаваш с подкопченной круглой вмятиной посередине.

Я со вздохом опустился на стул с дыркой, сердечком вырезанной в спинке, установил локти на стол, сцепив руки под подбородком. Потом руки расцепил, бросил на колени. Откинулся на стуле. Вытянул ноги под столом. Подумал и – поджал. Все оказывалось неподходящим. Я обедал здесь дважды в неделю, все знал наизусть, а не сиделось спокойно.

Барыга дожевал свой кусок, вытер губы салфеткой, свернул ее в аккуратную подушечку, разместил в пепельнице и выставил на стол солдата финской войны.

– Завидую вам. Свободный человек! Не высиживаете в конторе. Остались ребенком. Играете в собственное удовольствие до седых, как я вижу, кое-где волос... Да еще за это платят! Самостоятельно распоряжаться своим временем – это правильная цель жизни мужчины. – Он поднял указательный палец. – И не иметь хозяина. Моя мечта... Собирать старые игрушки и – продавать; прекрасно! Что это? Творение? Смотря для чего вы это... Вы считаете, что собиранием кусочков прошлого можно что-то изменить? У меня, кстати, есть собственная теория про мужчин, заигравшихся в солдатики... А?

Официантка тетя Маша принесла еще чай с лимоном и забрала тарелку с луковыми огрызками и обмелевшей лужицей кетчупа.

– Рассчитаетесь?

– Пейте чай, – кивнул барыга, отдавая деньги. – Я заметил, у вас некоторая асимметрия в фигуре, правая часть тела развита меньше – никто не говорил? В лице особенно заметно. И рука левая, наверное, потеет сильнее при физических нагрузках? Еще у вас синдром навяз-

чивых движений: губы вытягиваете вперед, облизываетесь, трете подбородок... Вы не аллергик? На цветение не реагируете? Правда, сейчас осень... — Он незаметно достал откуда-то из-под стола и гладящим движением руки доставил на мою половину столешницы страницу с черно-белым изображением, оглянулся и прошептал, донеся до губ чай: — Вот она.

Я не стану смотреть...

Распечатка на принтере, фотобумага, формат А4.

— Потрясающая. Столько лет прошло, а все равно — сносит крышу, — усмехнулся барыга. Помолчал, давая прорасти упавшим зернам, и добавил с осторожной мягкостью: — Вы можете получить возможность посмотреть еще несколько ее фото. Других.

Девушка не выглядела запоминающе красивой. Густые пышные волосы окружали широкое, подростково пухлощекое лицо. Ямочка на подбородке. Нерусский, тонкий нос с едва угадываемой горбинкой и загнутым вниз овалом ноздрей. Верхняя губа чуть выступает вперед, выдавая изъян челюстного строения или праздную поимку фотомастером внутреннего движения: готовящуюся улыбку, угасающее слово...

Если закрыть ладонью нижнюю половину лица и взять отдельно широкий чистый лоб, отчетливо прорисованные брови и, самое главное, глаза, получится необыкновенно милая девушка. Глаза со спокойной ясностью смотрели за правое плечо наблюдателя — в них плескалась живая вода. Но если убрать ладонь, в целом оставалась здоровая юность, не более.

Волосы нелепой длины — едва до плеч — завивались на концах. Прическу организовывала темная лента, обнаруживавшая себя бантиком, расположившимся надо лбом, — эта двукрылая бабочка относила момент фотографирования самое меньшее на полвека назад и усаживала девушку за парту выпускного класса. Одежду представлял строгий жакет под горло; в кадре поместились

две круглые металлические пуговицы с нехитрым узором — рубчики по кругу.

— Она мертва, — сухо уточнил барыга, словно это имело какое-то значение. — Разрывная пуля попала в ее затылок с небольшого расстояния 3 июня 1943 года, и пятнадцатилетняя роковая красавица стала урной на Новодевичьем кладбище. Нина Уманская, слышали когда-нибудь?

Люди намного моложе, и сильнее, и лучше одетые никогда не вызывают у меня ненависти. Ощущаю другое — лень подобрать слово. Я не чувствую тепла, когда ко мне приближается еще один пока живущий... Барыга тронул оловянного лыжника: вот что я купил за сотку долларов — пустые разговоры.

— Удивительная прозорливость конструкторов советской военной игрушки... Вы заметили, у воина советско-финской войны, отлитого, по вашим словам, в тридцать девятом году, пистолет-пулемет системы Шпагина, калибр 7,62? А ведь знаменитые ППШ в производство-то пошли только в декабре сорокового... Да и по весу — чувствуете? — цинк, алюминий, магний... Самое позднее — середина шестидесятых. — Он выудил из чашки толстощекую лимонную дольку, собираясь вгрызться в нее, но поразглядывал и отправил на блюдце — чем-то не подошла. — Живете обманом?

Какое-то время мы помолчали, нет — помолчал он, я бросал взгляд на ворота вернисажа, на торговые терема, укрытые фальшивой черепицей из резины, на свежеотстроенный павильон нижегородских народных промыслов, барыга, как мне представлялось, примеривался закатать мне в морду. Официантка попыталась уплотнить наш стол парой англоязычных пухлощеких очкариков, но одним шевелением охранные туши растворили ее в цыганистых югославах — те шумно сдвигали столы.

— Суть дела, — отчетливо произнес барыга, в голос его капнуло раздражение. — Идет Великая Отечественная

война. Начало лета. Уже позади Сталинград, но Курская дуга еще впереди. У дипломата Константина Уманского удивительно красивая дочь Нина, вызывающая у всех, кто ее хотя бы раз видел, сверхъестественный трепет души. И тела. Девочка учится в элитной школе вместе с детьми кремлевских вождей. Там же, кстати, учится и дочь Сталина. В Нину влюбляются многие. Особенно Володя Шахурин. Мальчик также из знатной семьи — сын народного комиссара авиапромышленности. Заканчивается седьмой класс, сдаются экзамены. Константин Уманский получает назначение послом в Мексику. Пятого июня он должен вылететь с семьей к месту назначения. Володя Шахурин провожает возлюбленную домой. По-видимому, просит — тринадцать-четырнадцать лет! — не улетай, я очень люблю тебя. Девочка, вероятно, не соглашается. Володя достает из кармана пистолет и стреляет Нине Уманской в затылок. Наповал. А потом — в висок себе. Но какое-то время еще дышит. Около суток. И умирает. Дело докладывают Сталину, он восклицает: ух, волчата! В русской истории остается пометка: «Дело волчат».

Он подтащил фотографию обратно к себе, пощупал, словно проверяя, не намочил ли ее неисправно вытертый стол, и спрятал.

— Скучно, верно? Шизофрения, подростковый психоз неразделенного чувства. Все настолько скучно и ясно, что хранить «Дело волчат» берутся только маразматики и пошляки: наши Ромео и Джульетта! — вот что осталось, и поэтому ужасно пахнет дермом... Но ведь никому... — барыга перегнулся ко мне через стол, все, что он говорил теперь, казалось ему чрезвычайно важным, щеки горели и голос ослабел до едва различимого шепота, — никому до меня не пришла в голову простейшая мысль: откуда такая ясность? Что говорил мальчик? Что отвечала девочка? Откуда уверенность, что любовь... Чего он добивался... Девочка убита. Мальчик мертв. И никто не

слышал их разговора, ведь Бога нет. Так что же или *кто же* тогда внушает нам такую ясность? – Он вдруг улыбнулся пьяно. – Чувствуется рука специалиста. Кто-то основательно поработал на будущее... Зачем-то! Русские Ромео и Джульетта! Волчата! И кто-то уверен, что *все получилось*. Что всех обманули и никто не вернется копать. Ошиба-аются... – И закончил с игривой педерастической интонацией, словно подслушанной в нерусском кино: – Дорогой мой, я хочу, чтобы вы туда *отправились*. Надо все поменять.

Он давал мне возможность кивнуть или хотя бы шевельнуться, я же сосредоточился на том, чтобы сесть как-то поудобней, а еще лучше встать и пойти в сторону метро, купить копченых куриных крылышек, лаваш и бутыль ледяного «Очаковского» кваса и наплевать. И только рассказывать в скучные минуты, как продал солдатика в воскресенье.

– Пospешайте. А то все скоро умрем и некому будет строить плотину, чтобы остановить эту... воду. – Он выкатил главное: – Я хочу знать, кто их убил.

Удостоверившись в моей немоте, барыга (неужели охрана не понимает, что пасет больного?!?) заговорил свободней, не ожидая в ответ ничего, что могло бы взорвать проложенные им рельсы.

– Кто убил. И почему. На картину привычную взглянуть словно впервые, глазами ребенка, чужеземца. Это работа для человека, любящего фотодело. Взгляд фотографа меняет объект съемки, если фотограф имеет, так сказать, особое отношение к объекту... Вам не приходилось фотографировать обнаженных женщин перед тем, как с ними быть? – Он приостановился и глумливым подмигиванием дал понять, как доволен: попал. Я не дрогнул. Но не я командую кровью. Кровь хлынула в шею, щеки, уши, забившись тупиково в руках. Как в любой дешевой истории (а только в дешевку они мечтают попасть!), они отпустят меня «подумать над их

предложением», это паутина. — Мне нужны новые фотографии. С прошлым можно сделать абсолютно все.

У меня другое мнение о прошлом. И я бы еще спросил: а что происходит при этом с фотографом?

— Я мучился: к кому бы обратиться... Беда России — ремесленники не вырастают в мастеров, все хотят быстрых денег... Никто не жаждет красивой работы... — Он неожиданно вильнул и ударил: — Не посещаете портал «Последняя граница»? А? Я вот — да. А что — прикольно... Весь этот Нью Эйдж, пятая раса... Новые культуры. А сколько там молодых... Богиня смерти Кали...

Он улыбался мне дружески-опечаленно, как охотник улыбается лосиной мертвотой туще, заставившей его побегать. Поставив болотный сапог на горло добыче.

— Там довольно подробно выкладывали стенограммы одного суда. Но я не буду детали. Там что? Уход молодого человека, фактически ребенка, в sectu — трагедия. Брошена семья, возлюбленные, профессия. Имущество отдано учителю. Сознание — полностью... — он соединил пальцы правой руки в щепоть и потер ими, протерев дыру в невидимой ткани. — Голодание. Медитации. Наркотики... Законных оснований вернуть мальчика-девочку нет. Свободные совершеннолетние люди, сами выбрали, во что верить. А футбол не нравится. Родителям больно: растили-растили, так сказать, цветочек, а он теперь служит, как собачка, какому-нибудь там трижды судимому алкоголику и возвращаться не хочет. Вообще папумам не узнает. Что вера-то делает, а?

Что же остается, Александр Васильевич, родителям? (*Имя, вдруг мое имя!*) Страдать! И ждать. Отработанный материал вернут — инвалиды любой коммерции обуза. Родители получат инвалида — и никакие походы к психиатрам не вернут человека в мир, где жарят шашлыки, совершают поездки на море в Египет, рожают детей, продают, к примеру, солдатиков. Остаются полутемные комнатки, запах лекарств, бормотание мантры, избыточное

слюноотделение – навсегда! Мы, конечно, с вами рассуждаем как подданные телевизора, товаров и цен... Но так все! Известно же, что совесть и душу наука не нашла, а русский народ не смог доказать их существование опытным путем.

И выхода, уважаемый Александр Васильевич, казалось бы, нет. Но идеально устроенный организм в процессе развития сам делает себя уязвимым, чтобы мировое равновесие сил не нарушалось. Секты интересуют прежде всего богатые семьи. Но богатые не готовы так вот запросто отдать детей какой-нибудь там уголовной «Церкви конца и начал» Дэвида Медфорда. Богатые не признают страданий, деньги – это рай.

Так, милый Александр Васильевич, и возникла платная услуга. Насильственное депрограммирование. Похищение. Лечение. Возвращение семье. Не слышали? И я верю: деятельность депрограмматоров и посейчас мало, скажем так, освещена. Секты молчали о пропаже своих дойных коров. Так могли и собственные трупы засветиться – у всякого производства отходы. Искали пропавших силами собственных служб безопасности и ребят, которые, выразимся аккуратно, прикрывали их бизнес. Там, во тьме, беззвучно шла война: штурмы квартир, похищения, внедрения агентов, обмен заложниками, говорят, и перестрелки случались... Нет? С трагическим исходом.

Свет пал в эту тьму случайно. Один из спасаемых юношей выбросился из окна конспиративной квартиры в Беляеве во время оздоровительной процедуры. И сломал, между прочим, позвоночник. Сычужников. Помните его? А вот он лично вас как-то выделял... И очень боялся, что его добьют в больнице. Симпатичный малый, на вид довольно вменяемый. Если долго с ним не разговаривать. А в телевизоре долго не разговаривают: зрителей растрогал – и довольно, тут еще выборы, коррупция в органах – тема... И тотчас в милицию, о чем-то договорившись,

понесли заявления все: кришнайты, «Дерево денег», бого-родичники, муниты, мормоны, сайентологи, «Дети Бога» и даже остатки «Белого братства». До сих пор доподлинно неизвестно, как депрограмматоры «лечили». В заявлениях, кроме похищений, фигурировали пытки, избиения, лишение пищи и сна. Применение психотропных препаратов. Принуждение к тяжелому труду. Вранья хватало? Да, наверное. Это же политика. Но мы с вами, дорогой мой, рассуждая без соплей, можем предположить: депрограмматоры, скорее всего, клин клином, использовали те же средства, что и новые культы по дороге «туда», пытаясь вернуть проплаченного «обратно».

Кстати, некоторые из молодых людей, возвращенных в рыночную действительность, дали показания в суде – да, вот так. Благодарности нет! Точное число похищений не установили. Больше шестидесяти? Родителям приходилось выкладывать от ста тысяч долларов в сложных случаях. Дети несостоятельных граждан депрограмматоров не интересовали. Хотя бедняки выходили на них. И молили вернуть кормильцев в семьи, к грудным детям... Я почитал – страшные истории. Растрогался бы камень. Но не вы.

Среди задержанных – как же вы ничего не слышали... гремело! – нашлись отставники и действующие сотрудники органов. Сразу подключилась служба собственной безопасности МВД, фээсбэшники. Арестованы сорок два человека, шестнадцать осуждены. Следствие продолжается. По вновь открывающимся эпизодам. Не всех пока нашли.

Барыга смотрел на меня не отрываясь. И я безвыходно понял: мне придется сделать это у него на глазах. Вытереть пот со лба, с бровей и верхней губы, вытереть руку, расстегнуть, разорвать пуговицы бушлата, сверху донизу. Облизать зудящие губы. Дальше.

– Есть человек в розыске ФСБ... Еще его пытается найти так называемая информационная служба «Церкви